

Игорь Муханов

Окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А. М. Горького. Член Союза писателей России. Автор 12 книг стихов и прозы. Публиковался в «Литературной газете», в журналах «Дружба народов», «Нева», «Урал», «Сибирские огни», «День и Ночь», «Дальний Восток» и других. Живет в Республике Алтай.

ЗОЛОТОЙ ВЕТЕР

Вместо предисловия

Русский писатель Иван Алексеевич Бунин оставил пророчество. Проза, развиваясь в веках, станет все больше подходить на поэзию. Не в смысле внешних примет, связанных с ритмом и размером, а в смысле цветения языка. Конечно, применительно к Бунину это пророчество сбылось уже при его жизни.

Принято считать, что проза являет горизонтальную планку развития человека, а поэзия — вертикальную. От скрещивания этих понятий получается символ жизни — крест. И Бунин прилепился к этому кресту.

Существует немало названий, характеризующих поэтичность прозаического языка. Орнаментальная проза, ассоциативная, лирическая миниатюра, эссе и многие другие. И среди этих названий не слишком примелькавшееся — эпифания.

Слово это пришло из библейского словаря. Ввел его в литературу Джеймс Джойс, учившийся на священника. Эпифания

означает состояние высокой пробужденности, при котором человек видит в обычном необычное. Восходит оно к благодати, озарению, Дзэн. Эпифания — противоположность эпитафии, если сказать о ней с улыбкой.

Возможности эпифании как жанра в полной мере раскрыл латышский поэт Имант Зиедонис, написав книгу поэтической прозы и дав ей имя «Эпифании».

Соединить прозу и поэзию — задача не из легких. Проза должна притягиваться к поэзии как магнит, составлять с ней единство существования. Японский хайбун заканчивается хайкой. Неритмизованная речь, набухая чем-то высшим, становится стихами. Так почка превращается в лист, утверждая зеленое в апрельской лазури.

Хайбун заканчивается хайкой с размером 5-7-5, эпифания — небольшим рифмованным стихотворением. Иначе нельзя: цифровое мышление с трудом прививается русскому менталитету! Сказываются размеры Сибири, снега и снегири. А может быть, и Пушкин с его ямбами, вот уже 200 лет бомбардирующими наше ДНК, оглушая его балами и вальсами!

Эпифания радуге, охотнику и его пуле

Говоря об Алтае, о красоте этих древних языческих мест, нельзя не упомянуть и радугу.

Радуги на Алтае бывают почти каждый день. И не только обычные, похожие на гусли, на которых Небожители играют по утрам свои мелодии, но и двойные, и даже тройные.

Существует поверье, близкое сердцу каждого человека. Если встать на то место, где радуга касается земли, можно обрести счастье. Мое детство прошло вдали от Алтая, в местах, где радуги случаются редко, и я не слышал об этом. А то бы непременно отправился такое место искать!

Зато я пишу стихи, и о радуге — тоже. И, конечно же, бываю в том месте, где радуга касается земли. Здесь правило одно: необходимо стать творянином. И уйти от штампов речи в язык, доселе незнакомый. И тогда станет возможным многое...

Все расцветки июля
радуга собрала
и сложила их в пуле,
в туннеле ствола.

И охотник-верзила
пальнул в небеса
всё, что дождиком было
и хранила роса.

Красный — маки созрели,
синий — волны бегут,
жёлтый — кедр спилили
на альпийском лугу.

Отшельник, живущий в горах

Избушка, похожая на охотничью, в трех шагах от нее — дровник. Весь день дребезжит стекло, слабо прижатое к раме гвоздиками, создавая зримую картину молитвы, летящей в мир. И будто прославляет она воздух, прохладный и летом в горах. Меняет его химический состав, а главное — делает воздух приветливым.

Сила молитвы, произносимой человеком, хранит немало тайн. Она и мает, и зовет, и свет дает, и охраняет. Покрывает и горы, и леса прозрачной золотой крышкой. Поди, пробейся сквозь толщу нежности, чистоту изначальных чувств! Уймонская долина окружена горами, и защитная крышка ей — в самый раз. Потому в долине и ощущается весна. Будто сады цветут в ней круглый год — яблоневого и вишневого!

Сказкой это не назовешь, но охранять Уймонскую долину отшельнику помогают трое друзей, воевавших когда-то в Афганистане. Время покинуть землю им еще не пришло, вот и сгущаются друзья в прозрачный студень возле избушки отшельника. Балагурят, курят табак, вспоминают свою молодость. Все они местные: из Чендека, Гагарки и Мульты. Скоро исполнится сорок лет, как тела их покоятся в Уймонской долине.

Сам отшельник, занятый чтением молитв, покидает избушку лишь по необходимости. Все больше молчит, спрятав уста под бородою. Но взглянет мельком на тебя, и стайка речей пронесется в твоём сознании. Добрых, приветливых речей, от которых начинаешь дышать свободнее!

Живу вот уже неделю в шалаше, неподалеку от отшельника. Ем лесную ягоду и сухари. Днем обхожу окрестности, любясь очертаниями скал, а ночью сижу у костра, созерцая его дыхание. Звезды светят так близко, что, кажется, можно достать их рукой. Говорить же хочется одним движением глаз, чтобы не потревожить Небожителей.

Лошадь пасётся среди берёз.
Куда нам ехать, скажи?
Трава рассвета, полная слёз,
туман, родник, миражи.
Ночью звезда в золотых очках
взирает на горный луг.
Бывало, крикнешь, и в облаках
откликнется кто-то вдруг.

Дельтапланы летним утром

Небо над Уймонской долиной в веснушках. Это дельтапланы — красные, желтые и зеленые — летают с самого утра.купаются в теплых воздушных потоках, на землю и не глядят. Слишком все выглядит на ней обычным. Дома, словно спичечные коробки, и люди, похожие на муравьев. Трудятся целыми днями в своем огороде, пропалывают грядки с луком, морковью и чесноком!

Птичье мировоззрение одолевает человека, когда он поднимается в небеса. Сбои в работе ДНК проявляются в полную силу. Вспоминает человек свои птичьи воплощения, сладкую ягоду в лесу. Предстают его взору долгие перелеты, теплые страны и моря. И свысока начинает смотреть он на дольний мир, полный забот и обязанностей.

Вот и меня, пока я тружусь в огороде, разглядывает дельтапланерист сквозь темные очки. словно хочет сказать с усмешкой: «Такие вот, брат, дела! Летать дано не каждому человеку. Нужны для этого смелость, молодость и деньги!»

«А еще — умение и дар», — добавляю я про себя и ухожу в дом, где сажусь за свой старенький компьютер.

Пишу одну, другую строчку стихотворения и чувствую легкость на душе. После третьей строчки я уже летаю в облаках, выше дельтапланериста. И смотрю на него глазами жителя Тонких Сфер, прозрачных для земного человека.

Поэзия связана с чудом, как на нее ни посмотри. Она воздушна и легка словно ветер, играющий цветами яблонь. Поэзия имеет разрешение на освоение других миров, данное ей свыше. Да, да, да! На четвертой строчке стихотворения я уже вижу весь Алтай, сверкающий причудливыми узорами ледников. С длинным Телецким озером, расположенным в горах, с Катунским хребтом, за которым начинаются ковыльные степи. Надо мной — слой озона, блестящий на солнце, как соль. Дальше начинается Космос, и лучше пока в него не проникать. И на земле дел хватает! Нужно помочь закончить войны, Россию из нищего существования поднять. Нужно... да мало ли что еще нужно сделать для блага человека?

И я читаю стихотворение, только что записанное мной в компьютер, вслух — облакам и деревьям...

Просом мальчик просыпается,
спрашивает: «Час который?
Догадайся — улыбается, —
не пустые разговоры —
кем я был во сне — водицею?
Серебром? Весенней лужею?
Это снова повторится ли?
Я бескрайней жизни нужен ли?
У лесной опушки вечером
обернусь букашкой маленькой.
Ладно, буду — делать нечего —
Ваней-Ванечкой для маменьки!»

Представления о Монголии у духов Алтая и у людей

Тени на снегу длинные и широкие, как оглобли. Словно запрягают в сани луну, плывущую над Чуйским трактом. Духи Алтая, живущие внутри гор, готовы ехать в Монголию!

Алтай — это сходка гор-великанов. Старцев в теплых кедровых зипунах, любящих в лунную ночь курить трубку тумана. А Монголия, соседка Алтая, совсем другая. Выжженная солнцем земля и орлы, высматривающие добычу. В Монголии также обитают духи, только другие. И как же духам Алтая не навестить своих соседей, не выпить с ними вина, настоянного на цветах и травах?

Монголия в своей середине степная, в прожилках ручьев и небольших речек, а к югу — песчаная. На юге Монголии бурханы, солончаки да ветер со щербинкой в зубах, насвистывающий грустную мелодию. Духи Алтая посещают ее юг, но не так часто и только с ознакомительной целью.

Для духов, едущих в Монголию из других сибирских городов, Алтай — перевалочный пункт, засыпанный по горам глубоким снегом. Особо изощренный лабиринт, в котором можно легко заблудиться. Поэтому духи сибирских городов, проезжая Алтай, спешат переночевать в надежном укрытии и продолжить свой путь в Монголию.

Иногда люди, особенно зимой, видят перемещения духов в Монголию. Встречается им юрта, поставленная на сани, дымящая широкой трубой. Из юрты доносятся смех, веселье, звон хрустальных бокалов. Такова жизнь духов, проводящих свое время в праздном веселье!

У людей же, населяющих территорию Сибири и Алтая, представление о Монголии совсем другое. Для них Монголия — как магнолия, цветущая летом пылью лошадиных табунов. Лошадиное ржанье для людей имеет свое, с уклоном в музыку, значение. Даже конский помет для людей, посещающих эту страну, особенный. Выглядит, как тюрбан, украшающий головы камней и кочек.

Как видите, представления о Монголии у духов Алтая и у людей — прямо противоположные.

В озорных глазах алтайца
не скажу, в каком году —
горы прыгают, как зайцы,
как играют в чехарду.

Тенью старого аила
кружит Время хоровод,
вспоминая всё, что было,
и в пути трясёт кобыла
даже синий небосвод...
Не скажу, который год.

Заимка старовера

К старику-староверу, который жил на заимке, расположенной на песчаном берегу Катуня, мы и не думали заплывать. Наслышались о его суровом характере, о сложных взаимоотношениях со своими детьми и перестали о нем думать.

Лодка, в которой мы плыли, неслышно скользила по реке, освещенной стеклянным светом полнолуния. Временами из прибрежного лозняка доносились крики птиц, чутких на любое перемещение. Река выпускала пар в успевший уже остыть воздух, мешая видеть окружающее. И все, сидевшие в лодке, были молоды и сильны. И ощущали эту жизнь, как на губах снежинку.

Но человек из нашей компании все же предложил заехать к старику, взяв на себя нелегкий труд общения. Выпив немного вина и посмотрев на прибрежные березы, которым луна, сиявшая в зените, дарила золотые короны, мы согласились.

Лодка приблизилась к берегу и зашуршала о серый с мраморной крошкой песок. Избушка старика, сложенная из бревен лиственницы и крытая соломой, давно уже утратившей свою желтизну, выглядела заброшенной. Наш парламентар сложил ладони трубкой и отчетливо произнес:

— Луна над Катунью светит, как молодая царевна. И вежливые гости только украсят досуг почтенного хозяина!

Эхо повторило эту фразу несколько раз, уменьшая и удаляя от нас ее звучание. И снова наступила тишина, дарившая нам

новые ощущения. Мы сидели в лодке, не смея шевельнуться, и ждали: что же произойдет?

Через короткое время дверь со скрипом отворилась и на пороге показалась высокая крепкая фигура. Старик, одетый в холщовую рубаху, достававшую ему до колен, уверенным шагом направился к нам. Он прижимал к своей груди снедь: ломоть сала, круглый ржаной хлеб и бутыль, полную янтарной жидкости. Увидев эти дары, поднесенные щедрой рукою, наша компания зашумела, как улей, когда к нему подносят дымарь...

Из соседнего лозняка вспорхнули две утки. И, шлепая по воде крыльями, полетели искать уединения на другом берегу.

Узнать мечтаю от влаги,
о чём в тишине вечерней
поют весною овраги,
укрытые лунной тенью.

Полёт озорного камня
дробит тишину на части,
а горы живут веками,
забыв про земное счастье.

И пьют из чаши рассвета
нектар живого мгновенья...
Живи и ты, моё лето,
дыханием вдохновенья!

Эпифания деревьям, идущим сквозь зиму

Легко мне вспомнить год, когда случилось это событие. Ведь у него существует своя, особая пометка...

Когда на моем огороде выросла тыква размером с бочонок, предназначенный для вина, я стал давать имена деревьям. Зачем я это делал, сказать толком не могу. Деревья росли неподалеку

от моего дома, и я сдружился с этими мирными существами, навещая их каждый день.

Береза Марина, лиственница Екатерина, елка Светлана — получились сплошь женские имена. Поэтому тополю, единственному представителю мужского рода, шумевшему на ветру высокой макушкой, я дал старинное имя Пересвет.

Шло время, разбрасывая по заливному лугу цветы самых разных названий. Незаметно наступили осенние дни с их слякотью и ветрами, но я по-прежнему навещал своих древесных друзей.

Деревья общались со мной телепатически, я слышал внутри себя их голоса. Марина, Екатерина и Светлана часто жаловались на погоду. А когда опала листва и первые заморозки покрыли лужи льдом, попросили меня принести соломы согреть озябшие ноги.

Один тополь Пересвет вел себя, как настоящий мужчина. Стройный и по-военному подтянутый, он проявлял сдержанную радость при встрече со мной. И с грустью смотрел, как течет неподалёку Катунь, а вместе с ней — и время.

Но вот понадобилось мне съездить в Москву, доставить в литературные журналы свои стихи и рассказы. Их можно было послать и по почте, но в Москве меня ждали друзья. А они хотели меня обнять, услышать написанное мною в живом исполнении.

Когда я вернулся домой, стояла уже зима. С глубокими сугробами и песней метелей, не прекращающейся порой целыми неделями.

На следующий после своего возвращения день я отправился в лес навещать деревья. Как они поживают без меня? Тепло ли укрыты снегом? О чем они думают в долгие зимние вечера?

С утра шумела метель, поднимая за окнами снег, как легкие тюли. Снег набивался под шапку, оседал на моих ресницах, коллол иголками лоб. «Марина, Екатерина, Светлана! — повторял я про себя, шагая по бездорожью, и добавлял: — И ты, мой славный полковник Пересвет!»

Не стану описывать свою встречу с деревьями, поскольку, придя домой, написал о ней стихи. И читая их вслух, порадовался тому, что еще живу на этом свете. Живу — значит, радуюсь всему, что я вижу, и сострадаю тем, кто попал в трудное положение. Сострадаю не только людям, но и деревьям...

Деревья в чулках деревянных,
раскинув тонкие руки,
идут походкою пьяных
сквозь ледяные муки.

*(Декабрь, январь и февраль —
километры,
и дуют сухие ветры)*

Последний листок увянул,
а птичьи гнёзда пустые
на черепах деревянных,
как зимние шапки, стынут.

На перекрёстке судеб,
в дымящейся круговерти
растут ледяные зубы
суровой старухи — смерти.

*(Декабрь, январь и февраль —
километры,
и дуют сухие ветры)*

Эпифания лягушкам, их пению и ночным играм

Как петухи на подворьях поют долгожданный рассвет, так и лягушки в прогретых солнцем озерах поют дождливую погоду. А значит, расти пшенице на полях, картошке и луку на огороде!

Да с ними, с лягушками, просто веселей жить. Не сов же и филинов слушать по ночам в лесу, вникая в их звуки, полные трагических рыданий?

Лягушки — это существа, которые учат нас жить не по уставу. Гогот лягушек уходит корнями в дзэн-буддизм, в рукав халата китайского философа. Того самого филомагага, который смеется беззубым ртом над измами этого мира!

Японский монах Басё, согласно легенде, долго медитировал возле пруда, все глубже погружаясь в Безмолвие. Но просветле-

ние так и не приходило. И вот лягушка прыгнула в воду, самая обыкновенная, с глазами, похожими на перископ. И напряжение, вызванное долгим ожиданием, лопнуло мыльным пузырем. Вспыхнуло внутреннее солнце, осветив и самые темные углы... Басё достиг просветления!

Он стал писать стихи и рисовать тушью. Басё прославил дождь, лесную ягоду и восход луны над горами. И, конечно же, лягушку — куда нам деться без нее! Как жить без этой гоготуньи, заколдованной луной, поющей не горлом, а всем своим телом?

Что же касается меня, то здесь следует разбираться. Лягушки вошли в мою жизнь потому, что я построил свой дом на берегу Катуня. Каждую ночь я слушаю их концерты. И участвую в жизни лягушек, как иной обыватель участвует в жизни театральной труппы. Поэтому и пишу о лягушках с большой любовью. О милых земноводных существах, ставших в моей жизни тем же самым, чем кошки и собаки в жизни людей.

Лягушки заводят игры
на листьях травы.
Лягушки — зелёные тигры
и тёмные рвы.
Представят себе комариху
в лесной тишине
и маются неразберихой,
и думают о войне.
Пойду, погляжу лягушек!
Не далее как вчера
возникла колонна пушек —
такая была игра!
Пошли солдаты в разведку
добыть язык тишины...
Лягушки прикинулись веткой
и отраженьем луны.
Прикинулись автомобилем,
везущим тебя ко мне...
А пушки били и били
икринками по луне.

Эпифания воображению

Будучи знаком с алтайцем-сказителем, проживавшем в селе Ак-Коба, заехал как-то раз послушать его пение. Но сказитель оказался болен. Его мучил жар, и довольно сильный. А живот, раздувшийся как у роженицы, издавал булькающие звуки.

Увидев меня, старик улыбнулся. Затем достал с прикроватного столика листок, нарисовал корову и протянул ее мне.

Не зная, как себя вести, я стал рассматривать рисунок. Линия, проведенная карандашом, была крепка, пропорции тела соблюдены, и вымя, как пишут в газетах, «доставало травы»...

— Чего ты хочешь? — спросил я старика, закончив рассматривать рисунок.

Но тот уже спал, попыхивая ртом, словно курил алтайскую трубку. Решив подежурить возле старика, я стал сочинять историю, в которой корова, которую он нарисовал, была главной героиней...

Луга распахивались передо мной как табакерки, и горы блестяли на солнце шапками снегов. Глаза мои сузились и потемнели, щеки покрылись бородой. Я превратился в алтайца, который служил у местного бая пастухом. Щелкая кнутом и покрикивая, я объезжал свое стадо на коне.

Горы курились облаками, бросая в долину прохладную тень. Ромашки прятались в разнотравье, как кисейные барышни от своих женихов. Коровы шли на водопой, кивая мордами, и Катунь ёкала на перекатах, словно икала после еды.

Как меня звали в этом мире? Уж точно не Иваном или Ильей! Звали меня Амыром-пастухом, и я был молод и красив собою.

Но вот старику стало легче, и он окликнул меня. Я же не смог отозваться сразу, поскольку находился далеко. В той самой реальности, в которой бык, напившись воды, стал приставать к корове. Та замычала трубно, утробно, призывая на помощь подружек, и я направил в ее сторону коня...

И тут в глазах моих потемнело, словно задули свечу. Это старик, видя, что я не шевелюсь, поднялся с постели. И заглянул мне в глаза, дыша табачным дымом. От тьмы, похожей на еги-

петскую, я и очнулся. А старик уже достал свой топшур и настраивал на нём струны...

«То-то будет радость», — подумал я и ближе подвинулся к старику, глядевшему на меня своими добрыми глазами. Отражавшими внутренность аила, догоравший огонь и, как мне показалось, старинную алтайскую жизнь, освещенную солнцем и хранимую горами.

Амыру-пастуху в расцвете лет
понадобились юные берёзы
и бабочки над клевером, и розы,
хранящие малиновый рассвет.
И друг-ручей Амыру-пастуху
пиликает на каменной свирели
чудесный сон, почти что чепуху
о том, как в небесах летают ели.
Что делать? Как найти ему врача,
что выжимает сок из кирпича
и эликсир любви даёт больным?
Да очень просто: над аилом — дым,
внутри — огонь, и всюду по аилу
летают косы Каначаки милой.
Поймаешь эти косы за концы,
и запоют весенние скворцы!

Золотой ветер

О том, что золотой ветер живет в душе человека, окрашивая его покой красками весенних угодий, я знал ещё с детских лет. Именно он приносит запахи первых распутившихся одуванчиков. Золотой ветер оберегает душу человека, дает ей возможность понимать религию и искусство.

Но вот случилось мне как-то идти полем, раскинувшимся среди гор, после пирушки с друзьями. Луна, поднимаясь из-за Катунского хребта, выглядела свежей и отдохнувшей. И дарила предметам тени, похожие на стрелки часов. По мере

восхождения луны минутные стрелки, теряя свою длину, превращались в стрелки часовые.

Внезапно подул ветер, поднимая с дороги пыль, и обозначил себя на всем своем протяжении. Пылинки заблестали в лунном свете праздничной новогодней мишурой. И ветер приобрел черты золотой трубы, в которой протекала жизнь, далекая от жизни человека, и совершалось нечто таинственное.

Пахло молодой полынью, блестящей повсюду росой, и запах ее приятно возбуждал нервы. Сидя на придорожных камнях, звенели цикады, призывая своих подруг разделить с ними таинство ночи. В ельнике, темневшем вдалеке, ухал филин, заявляя какому-то зверю, что тот забрел на чужую территорию. А я шел дальше, размышляя о том, что душа у природы такая же чуткая, как и у человека. Иначе откуда бы взяться золотому ветру, дувшему мне навстречу? Когда я возвращался домой, полный надежд на будущее.

Си'верко, полуденник, закатник —
в них живёт весенняя пора.

Километры воздуха прокатят
по большой земле, как трактора.
И малину сделают двухцветной,
говорящей: точка и тире...

Вот и лето... Кустики-кареты,
водяные знаки на коре!

Радужных небес перемещенье
незаметно для глазного дна.

Коршун снял другое помещенье:
сверху — ветер, снизу — тишина.
И большое дерево, как праздник,
обнажая корни, небо пьёт...

Сиверко, полуденник, закатник...
Урожайным будет этот год!

Путешествие в Горно-Алтайск, с описанием случившихся приключений

Следуя по делам в Горно-Алтайск, доверился своему наитию и купил в придорожном ларьке картошку, килограмма три. Посадил ее на обочине, ощущая запах родной алтайской земли, и поехал дальше.

Проезжая Семинский перевал, видел лошадь, запряженную в машину. Редкий случай, следует сообщить. Симбиоз техники и природы, всегда готовой помочь человеку! Оглобли крепились к бамперу скобой, снабженной двумя рычагами. Лошадь щипала траву, поднимаясь на гору, и разгонялась на спуске порой до третьей скорости.

От спутника своего, имевшего живот роженицы и бороду «старовер», похожую на зимнюю лопату, услышал новости последних дней. Поймали будто бы в океане рыбу по имени Саи. Плавники — капроновые тюли, глаза — весенняя лазурь. Телом же рыба была настолько велика, что достигала в длину восьмидесяти метров.

После Семинского перевала дорога кружила среди скал, и мы с моим спутником, выпив весь самогон, имевшийся в его корзине, решили заехать к отшельнику. Он жил неподалеку в кедровой домовине, имевшей лаз, подобный лисьей норе. На доске, прибитой к домовине, были написаны слова: «Здесь нет места здравому смыслу!»

Подъезжая к Горно-Алтайску, встретили пастуха, одетого в латы средневекового рыцаря. Его сжигало солнце, донимали мухи и слепни, залетающие под забрало. Но пастух выглядел живописно. И напоминал собой Дон-Кихота, которого я видел в кино.

Беседуя с нами, пастух курил алтайскую трубку и шумно ругал советскую власть, морщась при одном ее упоминании. А когда вспоминал наше время, называл его почему-то «николаевским». А еще — деревянно-нулевым!

Мало у меня осталось воспоминаний о том дне, поскольку выпито было много. Но все воспоминания хороши. Они греют меня в зимние дни с их тоскливыми метелями. И хоть снова поезжай в Горно-Алтайск на лошадях, взятых у доброго соседа!

Решил поделиться своими воспоминаниями и с вами, дорогие читатели, поскольку третья неделя, как метет. Свищет, стучится в двери, заносит по самые окна мой дом. Спрятаться можно только в листе бумаги. Написать на нем в рифму, заполнив лист целиком, и ощутить радость в своем сердце. Такова действительность, мои дорогие, и с нею приходится считаться!

Затрещит стрекоза над кустом
и откроет ключом-невидимкой
человеку в обличье простом
дверцу лунную в утренней дымке.

Сам войдешь или звать мотылька
удивлённому сердцу прикажешь?

Дни забот забирает река,
отдыхает сомненье на пляже.
У открытого воздуха рот
перепачкан молвой и малиной.
Вот она, моя родина: ждёт,
записаться в поэты зовёт...
Акварели аквамарины!

Луна в жизни алтайского народа

Луна над Алтаем светит мягким, немного таинственным светом. Темные образования на ней — как родимые пятна на теле. А свет настолько силен, что звезд почти не видно. Только на противоположной стороне неба можно увидеть звезды, как бы упрятанные за тюль. Кажется, что звезды глядят на луну с опаской. А вдруг лунный свет затмит и их своим сияньем?

Предметы, находящиеся между луной и человеком, имеют края, словно обведенные мелом. И вся округа блестит избытком влаги, как и избытком жизни. Кажется, что лес, темнеющий впереди, и горы за ним погружены в светящуюся жидкость. И будучи из нее извлечены, сохнут на прохладном ветру, продолжая поблескивать.

Сегодня время полнолуния. Начиная с завтрашнего дня луна начнет убывать, худеть до толщины суровой нитки. Ее убывание будет продолжаться две недели, до полного исчезновения в небесах.

Убывание луны — серьезная пора в жизни алтайского народа. Пока она длится, не рекомендуется ходить в гости к родным и близким, начинать хозяйственные дела, охотиться и ловить рыбу. Нужно дождаться растущей луны, если хочешь добиться успеха. Луна руководит жизнью алтайского народа, дарит ему свой, особый ритм существования.

Ну, а пока — полнолуние. Совы в лесах ухают чаще и цикады в полях стрекочут звонче. Активность жизни в лучшую пору ее существования! Мясо баранов самое вкусное, девочек, родившихся в это время, называют Алтынай. Что означает «Золотая Луна, плывущая над горами», дающая свет и процветание всей жизни на земле.

Я деньги вложил в ледяную траву:
расти-ка зимой на Алтае,
чтоб ели коровы тебя наяву
и в сон золотой затолкали
поглубже — до самых далёких морей,
до юношей, небом богатых,
до Грея, который боится угрей
и любит и шёлк, и дукаты;
до вас, хоть Ассоль не сидит на плече
у вас ангелочком-кумиром,
купаясь в потоке серьёзных речей
о странностях этого мира.

Поэзия Алтая

Если вы спросите алтайского пастуха, одетого в лисью шапку и бараний некрашенный тулуп, что такое поэзия, пастух улыбнется. Погладит бороду пальцами, сложенными в щепоть, и тихо ответит: «Дух-хозяин земли, воды, огня и воздуха».

Помолчит, глядя на вас карими доверчивыми глазами, и добавит: «И всего Алтая тоже».

Ээзи — так в этих горных местах зовут духов-повелителей!

Сама поэзия живет в алтайском аиле, заправляя ежедневным перечнем дел, а вечерами, когда взгрустнется, вылетая из топшура — старинного музыкального инструмента — в виде сказочной жар-птицы.

Алтайцев на просторах Азии называют луноликим народом, а где, в какой книге читали вы про луну, отделенную от поэзии? Где встречали вы поэтов, не воспевших хотя бы раз в своей жизни луну? Вот она, связь, красной нитью проходящая сквозь чаянья и надежды алтайского народа, живущего в неразрывном единстве с Природой!

С ладошки алтайского мальчишки всплывает по утрам солнце. И одолев дневной путь, сделав немало полезного, спешит на ту же самую ладошку, пахнущую уздечкой коня...

Алтай — ээзи, Алтай — сама поэзия!

Бывало, лишь дунет ветер
сентябрьский, сухой, колючий,
и гриб в золотом берете
вам скажет: «Собой побудьте!
Чего вы сидите дома
за пыльной решёткой окон?
Вы были страницей тома,
вы били небесным током!»
Ему не ответишь кратко,
ему не ответишь скоро.
И снова живёт тетрадка
поэзией разговора.

Кофейная роза

Зимний лес, увиденный сквозь призму плохого настроения, похож на морское дно.

В тумане, плывущем клочьями мимо, проступают мачты затонувших кораблей. Несутся сквозь рваные паруса синицы, похожие на стайку рыб. И где-то вдали краснеет взрыв, который люди называют солнцем...

Но если вернуться домой, в избушку, где печка, присягая огню, дышит теплом и покоем, можно начать сначала этот день. Замечая вокруг только хорошее, как нам и завещала Природа!

Для этого необходимо сварить кофе и достать из холодильника молоко. И почувствовать пальцами согревших рук: зима с интересом наблюдает за тобою!

В жидкость, принявшую форму небольшой чашки, вливается молоко. Дыхательный клапан перекрыт, щеки покрываются румянцем. Опускаясь на дно, молоко начинает клубиться, распускать свои белые лепестки...

Кофейная роза существует считанные секунды, но дарит человеку весну. И валенки, уже оттаявшие у печки, снова зовут тебя в лес. Поделиться с ним радостью, а заодно и узнать: не забросал ли кто лес самоцветами.

На что похожа Колыма,
в осеннем воздухе летая,
как это делает святая?
Ответь, мой друг, себе сама.

Да, это сказка, и зимой
она опять побудет с нами,
чтобы весенними духами
наполнить воздух ледяной.

На что похожа Колыма?

На то, что мы с тобой представим,
на полку книжную поставим,
и пылью нашего ума
не затемним свой день воздушный...

На что похожа Колыма?

Послушай...

Эпифания Алтаю, его особенностям и его сотрудничеству с человеком

О людях, способных понимать язык трав и деревьев, говорят не так часто в наши дни. Но именно о них мечтает Алтай, сверкая снегами своих вершин на рассвете...

На реки и горы Алтая следует смотреть издалека, чтобы проникнуть в их состояние, и вблизи, чтобы почувствовать характер. Облака, плывущие над Алтаем, неодинаковые. Весной они как леденец, тающий во рту ребенка, летом куда пышнее трав, осенью молчаливы и словно в обиде на свою жизнь, зимою — вялые и пустые. Следует долго смотреть на облака, вдыхая запахи горных лужаек, чтобы почувствовать их живыми.

Мосты и переправы через горные реки, дороги и жилые строения на Алтае являют облик технических достижений человека. Рыбалка, охота и блуждание по горам, связанное с созерцанием природы, являют внутреннюю жизнь этого региона.

Горы Алтая при утреннем освещении одни, при вечернем — другие. Дымка, их застилающая, как бы подчеркивает их характер, всегда дружелюбный. Горы никогда не ссорятся между собой, перекликаются эхом и ведут образ жизни, который в старинных алтайских сказаниях зовется общинно-житием.

На Алтае реки и речки особенные. Они бегут по камням, словно козы, выявляя молодой и задиристый характер. И это закономерно, поскольку реки Алтая берут свое начало от ледников. И лишь вытекая на равнину, успокаиваются и делаются предсказуемыми, отражая солнце и луну.

Алтай — живой и крепкий организм. Его отдельные части связаны между собой, являя взаимную поддержку в трудных условиях. Недаром на Алтае процветает язычество — религия сотрудничества человека и стихийных сил. Такова особенность Алтая, которую современный человек, при всей его технической оснащённости, не в силах изменить.

Шопен — в ручьях, а в небесах — Бетховен
в союзе с колесницею Ильи
поют с утра, что этот мир свободен
от уходящей в сумрак колеи.
И соловей на сливе одинокой,
кривою саблей месяца сражён,
поёт о том же — о любви стоокой,
благоухая в звуке, как пион.